

Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун, Хань Вэньсюань

Русская дворянская эмиграция в Китае после Октябрьской революции

После Октябрьской революции социальные структуры «единство» и «биполярность», которые создала советская власть, привели к расширению и обострению классовых противоречий. Большинство членов дворянских семей погибло или эмигрировало в разные страны мира. Их численность составляла не менее двух миллионов человек. Процесс эмиграции русских дворян делится на три этапа и две части. Первый этап связан с эвакуацией вооруженных сил Юга России под командованием генерал-лейтенанта А. И. Деникина из Новороссийска в феврале 1920 г. Второй этап связан с эвакуацией армии под командованием генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г., третий – с поражением войск адмирала А. В. Колчака и эвакуацией японской армии из Приморья в 1920–1921 гг. В подавляющем большинстве эмигрантами были отдельные группы россиян и их семьи, воинские части и учебные заведения. Эмиграция русских дворян в Китай также делится на три этапа: первый – от Октябрьской революции до установления дипломатических отношений между Китаем и СССР; второй – от установления дипломатических отношений между Китаем и СССР до событий «Мукденского инцидента»; третий – от японской оккупации северо-восточной территории Китая до конца Второй мировой войны. Главные черты этой эмиграции заключаются в том, что основные места поселения российских дворянских эмигрантов в 20-х гг. сосредоточились вдоль КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги), в Харбине и других местах, а в 30-х гг. – в Шанхае. При этом число российских мигрантов в Китае в 1923 г. достигло 150 тысяч человек, что превысило их численность не только во все времена российской истории, но и число эмигрантов из других стран в Китае в тот же период. Характер китайского общества той эпохи и отношения между Китаем и зарубежными странами были неустойчивыми, судьба русских дворянских эмигрантов оставалась нестабильной. Российские аристократы сохраняли православную веру. Они не только сохранили особенности традиционной русской культуры, но и добились больших успехов в политической, военной, экономической, культурной и образовательной сферах, и эти факты известны всему миру.

Ключевые слова: российское дворянство, эмиграция в Китай.

Zhang Zonghua, Jiang Yanhong, Han Wenxuan

The Russian Noble Emigration in China after the October Revolution

After the October Revolution social structures «unity» and «bipolarity», which were created by the Soviet power, led to expansion and aggravation of class contradictions. Most of members of noble families died or emigrated to the different countries of the world. Their number was not less than two million people. The emigration process of the Russian noblemen is divided into three stages and two parts. The first stage is connected with evacuation of the Armed forces of the South of Russia under command of Lieutenant General A. I. Denikin from Novorossiysk in February, 1920. The second stage is connected with evacuation of the army under command of Lieutenant General Baron P. N. Wrangel from the Crimea in November, 1920, the third one – with defeat of troops of Admiral A. V. Kolchak and evacuation of the Japanese army from Primorye in 1920–1921. Mostly emigrants were separate groups of Russians and their families, military units and educational institutions. Emigration of the Russian noblemen to China is also divided into three stages: the first – from the October Revolution before establishment of diplomatic relations between China and the USSR; the second – from establishment of diplomatic relations between China and the USSR before the events of «The Mukden incident»; the third – from the Japanese invasion of the northeast territory of China until the end of the World War II. The main lines of this emigration are that the main places of the settlement of the Russian noble emigrants in the 20-s years concentrated along CER (Chinese-East Railroad), in Harbin and other places, and in the 30-s years – in Shanghai. At the same time the number of the Russian migrants in China in 1923 was 150 thousand people that exceeded the number not only at all times of the Russian history, but also the number of emigrants from other countries in China during the same period. The nature of the Chinese society of that era and the relation between China and foreign countries were unstable, the fate of the Russian noble emigrants remained unstable. The Russian aristocrats kept Orthodox faith. They not only kept features of traditional Russian culture, but also achieved great success in political, military, economic, cultural and educational spheres, and these facts are known in the world.

Keywords: the Russian nobility, emigration to China.

Диаспора как социально-политическое явление существовала долгое время. Октябрьская революция 1917 г., повлекшая за собой коренные изменения в политическом, социально-экономическом и культурном укладе российского общества, особенно сильно отразилась на русском дворянстве. Русское дворянство, находившееся в Китае с

1898 г. в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги, пережило вместе с китайским народом свержение власти династии Цин, установление буржуазно-демократической Китайской Республики, борьбу против японского милитаризма и создание нового Народного Китая. Сегодня китайские ученые детально изучают со-

циально-политическую и культурную жизнь русской диаспоры в послеоктябрьский период. В данной статье мы рассматриваем эту проблему углубленно с позиций эмигрировавшего русского дворянства.

Дворянство России до и после Октябрьской революции

Особое геополитическое участие Российского государства в формировании русского дворянства позволяет проследить четыре этапа¹. Петр I обнародовал официальную таблицу рангов («Табель о рангах»), в которой выделялись две группы: наследственное, то есть потомственное дворянство и личное дворянство. Так узаконилось дворянское сословие в российском обществе. В 1782 г. Екатерина II в период создания генеалогических древ дворянских родов издала Указ о разделении потомственного дворянства на шесть категорий. В 1785 г. была обнародована «Жалованная грамота дворянству», в которой впервые определялся правовой, социальный и политический статус дворянского сословия. «Сборник законов» 1833 г. в статье 15 устанавливает первый ранг русского дворянства. По данным переписи 1897 г., в России насчитывался 1 221 939 потомственных дворян и 631 245 личных дворян [15, с. 15]. На рубеже XIX–XX вв. русское дворянство делится на служилое и поместное. Русское дворянство, многообразное в социальном, религиозном и этническом отношении, отличается от западноевропейского, в основе которого лежат кровная наследственность и местничество. Но в результате социальных реформ, начавшихся в XVIII в. и продолжавшихся вплоть до XX в., русское дворянство находилось под сильным влиянием европеизации, в результате чего и была создана уникальная русская культура с ее блестящими достижениями.

После Октябрьской революции в России были осуществлены четыре волны эмиграции. С 1919 г. началась крупномасштабная трехэтапная эмиграция русских дворян. Первый этап связан с эвакуацией вооруженных сил Юга России под командованием генерал-лейтенанта А. И. Деникина из Новороссийска в феврале 1920 г. Второй этап связан с эвакуацией армии под командованием генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г., третий – с поражением войск адмирала А. В. Колчака и эвакуацией японской армии из Приморья в 1920–1921 гг. В подавляющем большинстве эмигрантами были отдельные группы россиян и их семьи, воинские части и учебные заведения.

События Февральской революции 1917 г. стали сигналом к началу эмиграции русского дворянства. Падение самодержавия, несостоятельность Временного правительства, популистские действия большевистских лидеров, экономический хаос вызвали первую волну эмиграции. О. В. Волков так вспоминал о событиях весны и лета 1917 г.: «...звонили знакомые и родственники – все сообщали об отъезде. “Передай маме или папе, что мы уезжаем туда-то тогда-то”... такие-то обнимают и надеются на скорую встречу в Париже. Начинался великий исход русской интеллигенции за рубежи ошестинившейся отчизны» [5, с. 51]. Для многих представителей военного дворянства вооруженное сопротивление красному террору стало естественным выбором. Многие потомственные дворяне вступили в белую армию, воюющую против большевиков. С февраля по май 1918 г. в кубанской Добровольческой армии воевали полковники А. В. Корвин-Круковский, Л. Н. Новосильцов, А. И. Симановский, А. Г. Щербович-Вечор, генералы А. Ф. Богаевский, С. Л. Марков, И. П. Романовский, И. Г. Эрдели и многие другие [14, с. 52].

Дворянские семьи, не принимавшие участия в белом движении, большое значение придавали вопросу: уезжать из России или оставаться на родине. Во время Гражданской войны дворянские семьи неоднократно собирались покинуть Россию, но в последнюю минуту меняли это решение. В безнадежной ситуации они воспринимали эмиграцию как отчаянный выбор, побег, временное отступление. Тех, кто не успел отправиться в эмиграцию, постигла тяжкая участь. Особенно показательной является история оставшихся в России князей Оболенских. Князь Владимир Дмитриевич Оболенский был убит в своем имении в Рязанской губернии в начале 1918 г., его старший брат, князь Александр Дмитриевич, расстрелян 30 августа 1918 г. в Петропавловской крепости в Петрограде. В феврале 1918 г. на станции Веймарн Ямбургского уезда революционная толпа убила местного помещика, председателя Ямбургской земской управы князя Михаила Владимировича. В июне 1918 г. корнет 13-го гусарского Нарвского полка князь Павел Иванович был расстрелян большевиками и оставлен ими среди убитых, но чудом выжил и сумел перебраться в Крым. В ноябре 1918 г. в имении Горки Могилевской губернии была убита и сожжена в своем доме вдова князя Алексея Алексеевича (1856–1910), предводителя дворянства Чериковского уезда, княгиня Елена Константиновна (урожденная Ди-

терихс). Погибли в тюрьме (предположительно в 1918 г.) принадлежавшие к симбирской ветви рода братья князя Михаил и Николай Федоровичи.

Пребывавшее в Советском Союзе дворянство страдало во время сталинских чисток, так как трудно было бежать из страны и выжить в условиях тоталитарного режима. Примером может послужить судьба семьи князя Оболенского. Его дочь и жена долгое время находились в тюрьмах и концентрационных лагерях, где и закончили свою жизнь [18, с. 19]. Этой участи не избежали не только представители знатных титулованных семей, но и ничем не прославленных, не обладавших ни богатством, ни высокими чинами, ни авторитетом в обществе. Побег за границу предпочитали дворянские семьи, находившиеся в приграничных районах, а также те дворяне, которые во время Гражданской войны пострадали от политического насилия. Ученые полагают, что по политическим убеждениям дворяне из Крыма и Одессы, которые бежали в Константинополь, принадлежали к «правым» и «роялистам», а дворяне из Финляндии, Эстонии, Польши, спасавшиеся бегством через северную границу, – к «левым». Многие дворяне различной политической ориентации совместно бежали через южную границу [18, с. 23–24].

Современные ученые считают [7], что эмиграция являлась единственным выходом для представителей русского дворянства той эпохи, так как жизнь за границей не была им чуждой в целом, они легче приспосабливались к жизни в чужих странах, у них было больше возможностей выжить, чем у дворян, оставшихся в Советском Союзе [18, с. 19]. У некоторых русских дворян были необходимые условия, чтобы выехать за границу и получить право на постоянное место жительства: они владели иностранными языками, имели деньги, родственные связи в других странах [14, с. 52]. В первой волне русской эмиграции Россию покинули около 500–600 титулованных дворян [8, с. 80]. Хотя легальная иммиграция была безопасна, многие дворяне не имели на нее права. Князь К. Н. Голицын вспоминает: «Без визы можно только незаконно бежать из России» [4, с. 110]. Хотя незаконное пересечение границы было опасным, ужасы красного террора вынуждали дворян без колебаний бежать из страны.

Русские дворяне бежали через северную границу (Польша, Финляндия и Прибалтийские страны) и через южную границу (Одесса, Крым). Заботясь о будущем детей, семья Л. А. Успенского незаконно пересекла польскую границу и добра-

лась до Житомира. Граф О. Л. Медем бежал из России через северную границу, а его сыну Дмитрию удалось прибыть весной 1918 г. в Мюнхен [11, с. 16]. Летом 1918 г. Н. И. Волков-Муромцев, чтобы добраться до Украины, присоединился к Белой армии [2, с. 212–290]. Многие дворяне, которые через южную границу бежали из России с остатками белой армии, сели на корабли, уходящие в Турцию. Весной 1919 г. член Государственной Думы четвертого созыва И. С. Васильчиков и его жена с ребенком на английском военном корабле бежали из Крыма. В ноябре 1920 г. барон Врангель и остатки армии уехали на корабле «Херсонес», принадлежавшем Н. А. Коллюбакину, из Севастополя в Константинополь. Примерно в то же время отправился в Константинополь и князь А. Д. Хилков [18, с. 55].

Трудно определить число дворян-беженцев и дворян, оставшихся в России. Несмотря на различия внешней среды и материальных возможностей, главенствующие дворянские роды России – Рюриковичи, Гедиминовичи, татарские князья, дворяне европейского происхождения – не погибли в результате Октябрьской революции и остались в России. Как и семьи князей Голицыных, князей Трубецких, граф Шереметьев, князь Львов, Нарышкин, князь Гагарин, князь Мещерский, Татищев, граф Толстой, граф Бобрищев, князь Шаховской и др.

Идейные позиции и семейные обстоятельства не позволили этим людям покинуть Россию. В-первых, старшее поколение дворян, родившихся в 1850–1870 гг., придерживалось традиционной дворянской культуры и не желало покидать землю предков. Ближайший советник Российского императора А. А. Сивере утверждал, что «эмиграция в конечном итоге ни к чему хорошему не приведет». Кроме того, если один из супругов не хотел уезжать из России, то дворянской семье было бы трудно воссоединиться за рубежом. В-вторых, многие русские дворяне, принадлежавшие к высокообразованной интеллигенции, всей душой стремились служить своей стране, а не государственной системе, поэтому большинство дворян-ученых после Октябрьской революции остались в России. В-третьих, многие дворяне считали, что большевистский режим не будет длиться долго. Гражданская война началась в 1917–1918 гг., новый режим оказался в опасности, а дворяне, находившиеся в провинции, не имели информации о революционных событиях, происходивших в двух столицах. В-четвертых, часть российских дворян питала симпатии к левым силам, а также активно

выступала против самодержавного правительства, возлагая большие надежды на новую власть, по крайней мере была готова к сотрудничеству с ней. Потомственный дворянин Л. Б. Лебединский поддерживал большевиков, а Е. Л. Олицкий стал членом партии социалистов-революционеров, что привело к семейному конфликту. Кроме того, некоторые дворяне пытались воспользоваться новым режимом, чтобы решить личные жизненные вопросы [5, с. 55–58]. В период с 1917 по 1918 г. угроза уничтожения дворянства зависела от района проживания, авторитета семьи, а также ряда других факторов.

После Октябрьской революции к дворянству как основной части российских эмигрантов присоединились почти два миллиона человек, вынужденных покинуть страну и рассеянных по всему миру. В Европе российские эмигранты в основном были сосредоточены в Париже, Лондоне, Берлине, Праге, Софии и других местах. Значительная часть эмигрантов из России нашла прибежище в Китае и на Ближнем Востоке: в Харбине, центре Восточно-Китайской железной дороги, в Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Циндао и Синьцзяне. До революции все эти генералы, министры, дворяне и члены их семей никогда и подумать не могли, что их ждет судьба изгнанников, что после великолепных усадеб они окажутся в холодной Сибири, через пустыню и просторные степи уедут за границу. Усталые, эмигранты остановились в северо-восточной части Синьцзяна и в Харбине [1, с. 92–93]. Китай в значительной степени был заинтересован в российских эмигрантах, желая привлечь не только рабочих и инженеров, которые могли бы работать на Дальнем Востоке вдоль железной дороги, но также немногих творческих личностей, которые составили бы интеллектуальную элиту в Китае – их новым рае. Если в Италии находилось сравнительно небольшое число (около 3 000) русских эмигрантов, то Китай, напротив, стал гаванью для многих дворянских семей, представителей оппозиционных политических партий и художников дореволюционной русской культуры [18, с. 24].

Три этапа эмиграции русских дворян в Китай после 1917 г.

В 1924 г. были установлены дипломатические отношения между буржуазно-демократическим Китаем и Советским Союзом в границах «Рамочного соглашения между Китаем и Россией по урегулированию нерешенных вопросов». В 1903 г., когда было открыто движение по Китайско-Восточной железной дороге, общее количество

русского населения в провинции Хэйлунцзян достигало примерно 30 000 человек. Во время Русско-японской войны и Первой мировой войны численность российской диаспоры Шанхая увеличилась до 402 тысяч [6, с. 33]. После китайско-японской войны 1894 г. Россия получила в аренду территории в Ханькоу и в Тяньцзине.

После Октябрьской революции русское дворянство, вынужденное эмигрировать, чтобы избежать репрессий советского правительства, стало стекаться в Харбин – центр Восточно-Китайской железной дороги.

В 1918 г. под руководством адмирала А. В. Колчака в Сибири находилось войско, насчитывавшее более 400 000 солдат, в число которых входили дворяне-белогвардейцы и военный контингент Великобритании, Франции, США, Италии и т. д. (более 14 стран). В конце 1919 г. остатки разгромленной армии А. В. Колчака при 40-градусном морозе маршем преодолели тысячи километров по Сибири и достигли границы Владивостокского региона с Китаем, где встретились с белогвардейскими подразделениями генерала Г. М. Семенова. В феврале 1921 г. бывший министр Приморского правительства адмирала А. В. Колчака и предводители дворянства собрались в Харбине и сформировали Приамурское Временное правительство, захватив Хабаровск.

В 1922 г. Дальневосточная Народная Республика начала военные действия против белогвардейских военных сил по всем направлениям на Дальнем Востоке. Часть дворян под руководством генерала Смолина бежали на Северо-Восток Китая через станцию Суйфэньхе. Другая часть дворян-офицеров под руководством генералов Молчанова и Бородина пересекла российско-китайскую границу и прибыла в город Хунчунь провинции Цилинь. Остатки белогвардейских сил во главе с генерал-майором Д. К. Старком ушли из Владивостока на кораблях в северо-корейские порты Вонсан и Пусан, а затем в китайский порт Шанхай.

Крупномасштабная эвакуация почти 2 000 беженцев и более тысячи офицеров на 30 военных кораблях завершилась в Шанхае. Очевидец этих событий вспоминал: «Внезапно на многих шанхайских улицах появились тысячи нищих русских эмигрантов, резко отличавшихся от проживавших в Шанхае других, богатых, иностранцев» [1, с. 32].

Находившиеся в Харбине поверенные Императорского русского правительства по делам колоний оказались формально эмигрантами, хотя и не принадлежали к числу политических изгнан-

ников, преследуемых Советской властью. Харбин с 1898 по 1988 г. являлся центром русской диаспоры в Китае. Так, в 1898–1905 гг. число русских, находящихся в Харбине, превышало 3 000 человек; в 1920 г. их численность увеличилась до 131 073 человек; в 1922 г. – до 155 402 человек, но в 1924 г. число русских в Харбине сократилось до 58 559 человек и в последующие годы постоянно сокращалось [20, с. 96–98]. «В Харбине русских жителей-эмигрантов насчитывалось более 200 000, их было больше, чем местных китайских жителей, а сам город Харбин известен как крупнейший русский эмигрантский центр в Китае» [3, с. 10].

В сравнении с европейскими странами, где численность русских эмигрантов уменьшалась, в Китае с каждым годом она возрастала. Так в 1916 г. в Китае проживало 55 235 русских, больше было только японских жителей. В 1927 г. число русских увеличивается до 76 000, в 1929 г. – до 88 000 [12, с. 493–519]. Политические события второй половины XX в. и ряд других причин не позволяют точнее определить численность русских дворян, нашедших убежище в Китае. По статистике Министерства иностранных дел Китая летом 1929 г. общая численность русских дворян-эмигрантов достигала 95 627 человек, а русские газеты, издававшиеся в Шанхае, приводят данные, что летом 1935 г. число русских беженцев увеличилось до 135 000 человек [1, с. 76]. В 1926 г. в провинции Синьцзян проживало 6 000 русских эмигрантов [13, с. 258], в Тяньцзине – от 5 000 до 6 000 человек. Американские ученые считают, что в 1904 г. число русских в Китае равнялось приблизительно 40 000 человек, в 1914 г. – около 65 000 человек, а в 1930 г. – около 140 000 [9, с. 258]. Российский ученый Г. В. Мелихов полагает, что численность русских эмигрантов достигала 400 000 человек (это самое большое число русских эмигрантов в Китае, приводимое исследователями). В 1920-х гг. 100 000 русских эмигрантов вернулись в Советский Союз, еще 100 000 выехали в Соединенные Штаты [19, с. 91]. Статистика Американского Красного Креста приводит следующие данные: число русских иммигрантов, выехавших в страну с 1 ноября 1920 г., составляло 1,194 млн человек. Согласно статистике Международного союза, в августе 1921 г. насчитывалось около 1,4 миллиона беженцев из России. По оценкам российского историка В. М. Кабузана, в 1918–1924 гг. число российских иммигрантов по всему миру составляло 5 млн человек, в том числе 2 млн человек, проживавших на территории Польши и

Прибалтийских стран как суверенных государств, образовавшихся после Первой мировой войны [12, с. 493–519].

В 1920-е гг. русские дворяне-эмигранты сосредоточились главным образом на востоке Китая вдоль Восточно-Китайской железной дороги с центром в Харбине. Эти годы были трудными для русского дворянства, боровшегося за выживание и экономическую самостоятельность. Октябрьская революция и Гражданская война, суматоха бегства оставили русских дворян-эмигрантов фактически нищими, но духовная твердость и верность православию, честность и талантливость обеспечили им уважение как со стороны китайского общества, так и иностранцев, проживавших в Китае. «Русские эмигранты, разбросанные по всей территории Китая, активно участвуют в разных областях промышленности, воспитывают молодое поколение в традициях русской национальной культуры, не только имеют свои православные соборы, но и строят новые церкви, открывают свои школы, больницы. Короче говоря, русские люди прижились на такой, казалось бы, чужой земле» [1, с. 234].

В период с 1925 по 1931 г. в политической жизни Китая произошли два знаменательных события. Важной вехой стало установление дипломатических отношений с Советским Союзом. Второе важное событие – путч, произошедший 18 сентября 1931 г. В мае 1924 г. между Советской Россией и Китаем были подписаны «Рамочное соглашение по урегулированию нерешенных вопросов», «Соглашение по временному управлению Восточно-Китайской железной дорогой» и др. Эти документы дали китайскому правительству права на Восточно-Китайскую железную дорогу и вызвали разрыв русских и белогвардейских эмигрантов, не имеющих гражданства. Некоторые старые дворяне стремились получить советское гражданство, и поэтому в 1926 г. 1866 русских эмигрантов стали гражданами СССР [20, с. 76]. Другие эмигранты, в основном беженцы из Сибири, предпочитали получить китайское гражданство. Белогвардейские эмигранты, отказываясь как от советского, так и от китайского гражданства, вынуждены были покинуть Китай или вернуться на родину. Таким образом, численность русских эмигрантов в Китае сократилась с 155 000 человек (в 1922 г.) до 55 959 (в 1927 г.). При этом 30 322 белогвардейских эмигранта оказались лицами без гражданства [19, с. 75].

Харбин служил своего рода столицей для дворянских эмигрантов из России, но с 1920-х гг. рус-

ским эмигрантам жить в Харбине становится все труднее, так как железнодорожные власти уволили с работы беженцев из России, что сделало их положение совершенно отчаянным. Русские дворяне-эмигранты старались получить гражданство Великобритании, США, Дании, Швейцарии, искали прибежища в Японии, на Филиппинах и др. [16, с. 25]. Некоторые из них смогли получить визы на поездку в Северную Америку и Австралию, однако многие предпочитали перебраться в Тяньцзинь или в Шанхай. Российские эмигранты, жившие в Харбине, пытались переехать на юг страны, в Шанхай.

С 1920-х гг. русские дворянские эмигранты получили равные возможности с гражданами Китая на проживание на территории страны, на получение работы и свободу передвижения. В 1920 г. на французской территории Шанхая проживало только 210 русских эмигрантов, а к 1928 г. их число достигло 2 358. После того как Советский Союз установил дипломатические отношения с Китаем, большинство русских дворянских эмигрантов, осознав бессмысленность сопротивления Советскому правительству, соглашались честно, активно и плодотворно трудиться в Китае. Кроме того, «независимо от рода деятельности, русские эмигранты увидели, что Шанхай предоставляет им максимально большие возможности заниматься избранным делом, забыть потрясения, вызванные войной и революцией. Бывшие жители Санкт-Петербурга нашли на Дальнем Востоке возможность воссоздать свою культурную среду: русские газеты, магазины, рестораны и ночные клубы – все это, казалось бы, уничтоженное революцией, возрождалось на глазах» [10, с. 58–59].

В конце 1920-х гг. русские дворянские эмигранты ценой невероятных усилий, благодаря настойчивости и таланту после нескольких лет напряженной борьбы превратились из нищих беженцев в социальную группу с фиксированным доходом, активно участвующую в жизни Шанхая, с уверенностью смотрящую в будущее.

1932–1945 гг. – конец Второй мировой войны и японской оккупации Северо-Востока Китая. В 1932 г. японские власти создали и единолично руководили марионеточным Маньчжурским правительством, а в 1935 г. Советское правительство в одностороннем порядке передало свои права на Восточно-Китайскую железную дорогу Японскому правительству в Маньчжурии и вывезло своих сотрудников и 30 000 русских эмигрантов из Харбина.

В период Великой чистки, проводимой И. В. Сталиным, советская тайная полиция под руководством Ежова разработала Приказ «00593», согласно которому были арестованы 50 000 русских эмигрантов из Харбина, 30 992 из них были убиты [17, с. 25, 26]. В 1936 г. в Харбине осталось только 30 589 белогвардейских эмигрантов, советских эмигрантов – 7 804 [9, с. 111].

В Шанхае в 1930-х гг. численность русских эмигрантов достигает 15 000–20 000 человек, в том числе 4 000 евреев. В это же время русские дворянские эмигранты обосновались на французской территории Шанхая. В 1932 г. улица Сяфэйлу («Восточный Санкт-Петербург», как ее называли) получила современный вид и стала центром проживания русских эмигрантов.

В Шанхае русское дворянство переживает процесс поляризации. В 30-е гг. 70 % русских эмигрантов получили постоянную работу и были в состоянии свести концы с концами. Род их занятости был самым разнообразным: от продавцов поддельных драгоценных камней до директоров крупных компаний, от университетских преподавателей до проституток, от выдающихся музыкантов до ночных сторожей. Остальные 30 % русских эмигрантов – это нищие и преступники.

Вера в Бога и Святую Православную Церковь стала мощной духовной опорой для большинства представителей русского дворянства в эмиграции. Некоторые дворяне-эмигранты не смогли ассимилироваться в Шанхае, в условиях восточной гетерогенной культуры, питая глубокую любовь к Родине и русской культуре: «...но и в тупике мы не забыли Родину и не проклинаем свою судьбу. И хотя мы изгнаны из страны, но всем сердцем стремимся вернуться на родную землю» [1, с. 237].

Успехи Советского Союза в социалистическом строительстве и укрепление его международного статуса усиливали тоску по родине. У большинства рядовых русских эмигрантов, особенно во втором поколении, возникают симпатии к Советскому Союзу, и желание вернуться домой, чтобы стать гражданами Советской России, становится непреодолимым. Но начало Тихоокеанской войны в декабре 1941 г. ставит русских дворян-эмигрантов в трудную ситуацию. Хотя Советский Союз одержал великую победу во Второй мировой войне, небольшая часть русских дворян-эмигрантов из Шанхая, обладавших тонким политическим чутьем, охваченных зловещими предчувствиями, не решалась вернуться домой, поэто-

му предпочла перемещение в Европу и Америку [1, с. 214].

Разнообразие деятельности русских дворянских эмигрантов в Китае

После событий 1917 г. русские эмигранты основали в Харбине «Русскую народно-освободительную партию», «Добровольную армию Дальнего Востока» и ряд других организаций и были готовы вернуться на родину для участия в войне. В Харбине находились в изгнании министр иностранных дел Ю. Ключников и Н. Устрялов, которые участвовали в съезде партии «Вехи». Они создали журнал, издавали научно-философские труды, оценивавшие сущность и значение Октябрьской революции.

Перемены в политической жизни Китая дали возможность русским дворянским эмигрантам избежать трагической ситуации. В 1922 г. около 40 белогвардейских офицеров военно-воздушных сил и артиллерии принимали участие в боевых действиях под руководством генерала Чжан Цзо-линя. В 1924 г. была создана бригада русских военных под руководством Чжан Цзунчана. В 1927 г. в Шанхае сформировалась русская бригада из дальневосточных казаков. Русские белогвардейские бригады впоследствии вошли в состав регулярной армии Китая, приняли участие в гражданской войне в Китае и понесли большие потери в серии кровавых сражений на обширных землях Китая: от Шанхая до Шэньяня, от Циндао вдоль побережья Тихого океана до столицы Кайфэн в провинции Хэнань в Центральном регионе можно увидеть могилы русских солдат и офицеров [13, с. 254].

В 1925 г. в Харбине были созданы националистические организации и группы студентов-эмигрантов, входивших в состав «Русской националистической партии», руководителем которой был К. В. Розаевский. Подразделения этой партии были организованы в 18 странах мира, а число членов партии достигало 1–2 млн человек. В 1930 г. в Харбине произошло несколько сенсационных похищений, связанных с членами этой партии. Русские эмигранты в большинстве были проникнуты антияпонскими настроениями. Дворяне-белогвардейцы никогда не симпатизировали японцам [1, с. 287].

Когда в 20-х гг. в северной части Китая произошла природная катастрофа, русские дворяне-эмигранты оказали свою скромную помощь пострадавшему китайскому населению, организовывая благотворительные концерты, которые принесли более 24 000 юаней [1, с. 236]. А во время

китайско-японской войны, чтобы поддержать справедливое дело китайского народа, русские эмигранты и другие иностранцы, находившиеся в Шанхае, активно участвовали в боевых действиях на стороне китайской армии, куда входил 451 иностранец: 152 гражданина США, 124 француз, 115 советских граждан, 55 человек из Соединенного Королевства и 5 человек других национальностей. Кроме того, 300 эмигрантов-белогвардейцев, получивших китайское гражданство, и эмигранты из СССР отправились на фронт. Среди 800 русских эмигрантов, принимавших участие в боевых действиях, большую часть составляли белогвардейцы. В 1926 г. в Шанхай из Сибири прибыл известный белогвардейский военачальник Молочковский, который затем оказал большую помощь в военных действиях 1932–1937 гг.

В экономической области деятельность русских эмигрантов-дворян сосредоточивалась в основном в банковском деле. Императорский государственный банк России в Китае не был признан русскими эмигрантами-дворянами как финансовая структура. Русские эмигранты в Харбине создали два акционерных общества («Первую» и «Вторую» кредитные компании) и несколько банков, в том числе Еврейский национальный банк.

После Октябрьской революции прежний директор КВЖД Хорват продолжал поддерживать права и интересы Китайско-Восточной железной дороги. Но вследствие совместного международного управления дорогой Остроумов стал руководить деятельностью Восточно-Китайской железной дороги, а начальниками дистанций дороги были русские эмигранты-дворяне. В это время русские эмигранты-дворяне открыли комбинат по обслуживанию железной дороги и 54 фабрики, в том числе самую известную табачную фабрику «Вадо» и компанию «Тюрин». В 1924 г. русские эмигранты, занимавшиеся предпринимательской деятельностью, имели свои товарно-грузовые корабли [9, с. 274–277].

В начале XII в. в Шанхае русских предпринимателей-дворян было немного, но после Октябрьской революции дворяне-эмигранты из России развивают бурную предпринимательскую деятельность. В 1919 г. в Шанхае насчитывалось около 1 000 русских предпринимателей. В 1924 г. на улице Думейлу открылась фабрика по производству медицинских средств и инструментов. В 1926–1928 гг. русские эмигранты открыли в Шанхае на улице Сяфэйлу 15–20 небольших магазинов, 10 продуктовых лавок, 30 магазинов одежды, 5 больших кондитерских магазинов, 5 аптек,

5 ювелирных магазинов, 3 фотоателье, 2 кулинарных магазина, 5 парикмахерских, 5 фирм по аренде автомобилей, 4 обувных магазина, 6 газетных киосков, 4 кондитерских, несколько цветочных магазинов и магазин, продававший декоративных рыб. В конце 1920-х гг. в Шанхае десятую часть профессиональных врачей, архитекторов, инженеров представляли русские эмигранты [1, с. 71–71]. Улица Сяфэйлу стала своеобразным Невским проспектом русских эмигрантов Шанхая.

Со строительством КВЖД и развитием экономики русские эмигранты начали обращать внимание на духовную и культурную жизнь русской диаспоры Харбина. После Октябрьской революции приток большого числа русских дворян-эмигрантов в Харбин привел к распространению в Китае русской литературы и искусства. Вдали от европейских культурных центров культура русских эмигрантов не только сохранила национальные черты, но и впитала восточные мотивы и стала культурным мостом между Востоком и Западом, обеспечившим взаимопроникновение и взаимовлияние восточной и западной культур. В течение 20–30 лет русские эмигранты-деятели культуры демонстрировали эффектные произведения своего творчества в Харбине и в Шанхае.

До Октябрьской революции в Харбине уже появились первые русские поэты. В 1920-м году русские писатели-эмигранты создали литературно-поэтическую группу. Харбин являлся крупнейшим центром русской музыкальной культуры. В 1921 г. силами русских дворян-эмигрантов была открыта первая русская музыкальная школа. В 1924 г. открылась музыкальная школа имени известного русского композитора И. Глазунова. А в 1927 г. – музыкальное училище. В 1920-е гг. в Харбине силами русских дворянских эмигрантов были поставлены классические произведения русского музыкального театра: балет П. И. Чайковского «Лебединое озеро», оперы «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», опера А. Е. Римского-Корсакова «Снегурочка», опера французского композитора Е. Бизе «Кармен» и другие произведения русского и европейского музыкального театра.

Стены Свято-Николаевского кафедрального собора Харбина, Собора Святой Софии, а также церкви Богоматери расписаны фресками и украшены иконами, выполненными руками русских дворян-эмигрантов. М. А. Кичигин, выпускник Императорского Московского училища изобразительных искусств 1908 г., основал в Харбине ху-

дожественную мастерскую «Лотос» и воспитал группу художников.

В период с 1897 по 1917 г. русские дворянские эмигранты в Харбине открыли более 20 разных типов школ. В течение 1920–1930-х гг. русские дворяне-эмигранты создали целостную образовательную систему, включавшую начальные, средние, профессиональные школы и высшие учебные заведения. После Октябрьской революции молодое поколение русских эмигрантов в Китае могло получить хорошее образование. В 1920 году группа русских профессоров-эмигрантов создала Харбинскую высшую экономико-юридическую школу, которая в 1922 г. была преобразована в Харбинский политико-юридический университет. Первым ректором университета был Устряков [20, с. 295]. 9 сентября 1920 г. генеральный директор КВЖД Хорват активно содействовал созданию Русско-Китайского промышленного техникума, в 1922 г. преобразованного в Харбинский технологический институт [20, с. 296–297].

Со строительством КВЖД активно развивалась и русская эмигрантская пресса. В 1917–1922 гг. в Харбине издавались русские эмигрантские газеты «Вперед», «Русский голос», «Заря», «Рупор», «Трибуна», «Молва», «Эхо», «Русское слово», «Харбинское время» – почти 50 изданий. В 1926–1935 гг. в Харбине выходили в свет русские журналы «Вестник Маньчжурии», «Хлеб небесный», «Рубеж», «Нация» – почти 250 изданий [20, с. 298–335]. После Октябрьской революции в 1918–1949 гг. в Харбине было издано более чем 4 000 книг [9, с. 296–297].

Русские дворяне-эмигранты, которые переехали с северо-востока Китая в Шанхай, создали различные литературно-художественные сообщества, такие как группа «Понедельник», группа «Вторник», группа «Среда», получившая также название «Художественно-литературная ассоциация молодежи», группа «Четверг», группа «Пятница», «Литературно-художественное содружество «Восток», объединение «Искусство и творчество», Русское профессиональное театральное общество, Товарищество украинских артистов, Украинское культурно-просветительное общество им. Н. Лысенко, Пушкинский комитет и ряд других. Эти культурные организации издавали сборники произведений русских писателей-эмигрантов. Например, в 1934 г. известный писатель-эмигрант А. И. Бунин установил связи с этими деятелями русской культуры и стал почетным президентом литературно-художественной группы «Понедельник». В 1930–1940 гг. в Шанхае самой влиятель-

ной являлась группа ХЛАМ, ядро которой составляли режиссер балетной труппы Э. И. Элиров, редактор газеты «Шанхайские новости» Л. В. Арнольд, писатель В. С. Валь, музыканты А. Г. Бершадский, А. О. Кирсанов, журналист А. В. Петров, художник Л. В. Скворский. В 1936 г. ассоциация ХЛАМ присвоила известному русскому певцу А. Вертинскому звание «Первый рыцарь Шанхайского мира». В том же году русские эмигранты Шанхая торжественно принимали выдающегося русского певца – известного всему миру Ф. Шаляпина. В 1937 г. Пушкинский комитет провел церемонию открытия памятника А. С. Пушкину в Шанхае.

В Шанхае в Муниципальном симфоническом и Духовом оркестрах плодотворно работали русские эмигранты-музыканты. Активную деятельность вело Общество камерных концертов, и русские музыканты также принимали участие в деятельности Китайской национальной консерватории. В 1927 г. был образован Шанхайский государственный музыкальный институт, в котором работали преподавателями Б. С. Захаров, З. А. Прибыткова, С. С. Аксаков, П. И. Шевцов, а также Славянова, Левитина, Спиридонов и Томская [1, с. 604].

Их деятельность привлекла большое внимание публики к театрам Шанхая. Русский художник-эмигрант Гурский окончил в 1920 г. Московскую школу живописи, скульптуры и архитектуры, но проявил себя не только как живописец, но и как дизайнер. В 1928–1931 гг. русские художники многократно проводили выставки живописи. В 1930-е гг. русские художники-эмигранты проявляют себя как одаренные специалисты в области архитектуры. Ими созданы проекты Свято-Николаевского собора в Шанхае и собора Богоматери. В 1924 г. Соколовский поселился в Шанхае и начал заниматься архитектурой и дизайном в шанхайских строительных компаниях как квалифицированный архитектор.

Система образования русских эмигрантов в Шанхае значительно отличалась от системы образования в Харбине. Больше половины детей эмигрантов получали образование в иностранных школах Китая. Вследствие глобальной интернационализации Шанхая русские дворянские эмигранты создали 12 образовательных групп, 5 начальных и средних школ для детей русских эмигрантов, 12 училищ и техникумов, три высших учебных заведения. Разнообразное образование, возможное для детей русских эмигрантов в Шанхае, предоставляло традиционное русское национальное обучение на православной основе, а также

западноевропейское образование. Экономические трудности, переживаемые русским дворянством в эмиграции, обусловили масштабы и оборудование русских традиционных школ, во многом уступающие западноевропейским школам. Традиционное русское образование молодого поколения эмигрантов в Шанхае вызывало много споров и заметно уступало качеству образования, получаемого русской эмигрантской молодежью в Харбине [1, с. 545]. В конце 1940-го г. Вера Васильевна Замотаева, ее дочь Нина Алексеевна Замотаева, внучка Алла Сергеевна из семьи дворянства Оренбургской провинции создали факультет русского языка Шанхайского иностранного университета.

В 1930-е гг. большая часть русских дворянских эмигрантов переехала из Харбина на юг в Шанхай из-за нестабильности политической и экономической ситуации, что привело к расцвету русской культуры в Шанхае. Издавались 24 газеты на русском языке и 27 журналов.

Русские дворянские эмигранты основали в 30-х гг. радиостанции, вещавшие на русском языке: в 1933 г. начала работать радиостанция «Россия»; с 8 декабря 1935 г. начала работу «Первая Татарская радиостанция». В период 20–30-х гг. русские дворянские эмигранты уделяли много сил созданию широкой сети библиотек.

После Октябрьской революции русские дворянские эмигранты оказались в чужой земле, долго проживали за границей, потеряли связь с Родиной, поэтому, чтобы сохранить богатую духовную жизнь и укрепить религиозные верования, ревностно сохраняли традиции православия, в том числе построив множество соборов. В 1898–1956 гг. в общей сложности было построено 97 православных церквей в северо-восточной местности, в том числе 22 храма в Харбине. В 1917–1938 гг. на северо-востоке Китая находилось 44 церкви, а в Харбине – 13. Так, в 1922–1924 гг. только в Харбине открылось 5 православных соборов, 2 монастыря и 11 церквей вдоль железной дороги [9, с. 407]. В Шанхае постоянно строились все новые и новые православные храмы, всего – 12 соборов.

Таким образом, Октябрьская революция привела к беспрецедентному изгнанию русского дворянства за пределы России, численность изгнанников значительно превышает число беженцев в любой другой период русской истории. В 1920-е гг. деятельность русских дворян-эмигрантов сосредоточивалась в районе КВЖД и Харбина. Вследствие нестабильности политической и эко-

номической ситуации в Харбине в 1930-е гг. большинство русских эмигрантов покинуло северо-восток Китая и переехало в Шанхай. На протяжении многих десятилетий дворянские эмигранты из России не только сохраняли свою культуру и православные традиции, но и способствовали политико-экономическому и культурному развитию Харбина и Шанхая.

Библиографический список

1. Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае [Текст] / Ван Чжичен. – Шанхай, 1993.
2. Волков-Муромцев, Н. В. Юность: От Вязьмы до Феодосии [Текст] / Н. В. Волков-Муромцев. – Париж, 1983.
3. Гальперин, А. Бомбоубежища и тени прошлого [Текст] / А. Гальперин // Новое русское слово. – 1983. – № 3.
4. Голицын, К. Н. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына [Текст] / К. Н. Голицын. – М., 1997.
5. Ефремов, С. И. Дворянская семья в Советской России и СССР (1917 – конец 1930-х гг.): социокультурный аспект [Текст] / С. И. Ефремов. – М., 2011.
6. Жиганов, В. Д. Русские в Шанхае [Текст] / В. Д. Жиганов. – Шанхай, 1936.
7. Иванов, В. А. Миссия Ордена: Дворянская семья: из истории дворянских фамилий России [Текст] / В. А. Иванов ; под ред. В. П. Старка. – СПб., 2000.
8. Кривошеина, И. А. Четыре трети нашей жизни [Текст] / И. А. Кривошеина. – Париж, 1984.
9. Ли Сингэн. Ряска на ветру: российская эмиграция в Китае (1917–1945) [Текст] / Ли Сингэн. – Пекин, 1997.
10. Лю Ваньцзюнь. Маньчжурская мафия – русские нацисты [Текст] / Лю Ваньцзюнь. – Хэйлунцзянское народное изд-во, 1993.
11. Наумов, А. В. Судьбы российского дворянства в XX веке (на материале трех поколений хвалынской ветви графов Модемов) [Текст] / А. В. Наумов. – Саратов, 2009.
12. Полян, П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покинул Россию [Текст] / П. Полян ; под ред. О. Глезер и П. Поляна. – М., 2005.
13. Серебренников, И. И. Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий. 1919–1923 [Текст] / И. И. Серебренников. – Харбин, 1936.
14. Скрябина, Е. А. Страницы памяти [Текст] / Е. А. Скрябина. – М., 1994.
15. Филатова, Т. В. Российское поместное дворянство в начале XX в.: организация, деятельность, попытки самоидентификации [Текст] / Т. В. Филатова. – М., 2002.
16. Чжао Дэцзю. К истории внешнеторговых отношений современного Харбина [Текст] / Чжао Дэцзю. – Изд-во Хуавэнь, 1993.
17. Чжун Нань. Дрожь от чтения Харбинского архива [Текст] / Чжун Нань // Хэйлунцзянские исторические заметки. – 2011. – № 1.

18. Чуйкина, С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы) [Текст] / С. А. Чуйкина. – СПб., 2006.

19. Чэнь Цюцзе. Русский ученый Мелихов о проблемах русской эмиграции [Текст] / Чэнь Цюцзе // Сибирские исследования. – 2010. – № 6.

20. Ши Фан, Гао Лин, Лю Шуан. История русской эмиграции в Харбине [Текст] / Ши Фан, Гао Лин, Лю Шуан. – Харбин, 1998.

Bibliograficheskij spisok

1. Van Chzhichen. Istorija russkoj jemigracii v Shanhaj [Текст] / . – Shanhaj, 1993.
2. Volkov-Muromcev, N. V. Junost': Ot Vjaz'my do Feodosii [Текст] / N. V. Volkov-Muromcev. – Parizh, 1983.
3. Gal'perin, A. Bomboubezishsha i teni proshlogo [Текст] / A. Gal'perin // Novoe russkoe slovo. – 1983. – № 3.
4. Golicyn, K. N. Zapiski knjazja Kirilla Nikolaevicha Golicyna [Текст] / K. N. Golicyn. – М., 1997.
5. Efremov, S. I. Dvorjanskaja sem'ja v Sovetskoj Rossii i SSSR (1917 – konec 1930-h gg.): sociokul'turnyj aspekt [Текст] / S. I. Efremov. – М., 2011.
6. Zhiganov, V. D. Russkie v Shanhaj [Текст] / V. D. Zhiganov. – Shanhaj, 1936.
7. Ivanov, V. A. Missija Ordena: Dvorjanskaja sem'ja: iz istorii dvorjanskih familij Rossii [Текст] / V. A. Ivanov ; pod red. V. P. Starika. – SPb., 2000.
8. Krivosheina, I. A. Chetyre tret'i nashej zhizni [Текст] / I. A. Krivosheina. – Parizh, 1984.
9. Li Singjen. Rjaska na vetru: rossijskaja jemigracija v Kitae (1917–1945) [Текст] / Li Singjen. – Pekin, 1997.
10. Lju Van'czjun'. Man'chzhurskaja mafija – russkie nacisty [Текст] / Lju Van'czjun'. – Hjejlungdzjanskoe narodnoe izd-vo, 1993.
11. Naumov, A. V. Sud'by rossijskogo dvorjanstva v XX veke (na materiale treh pokolenij hvalynskoj vetvi grafov Modemov) [Текст] / A. V. Naumov. – Saratov, 2009.
12. Poljan, P. Jemigracija: kto i kogda v HH veke pokadal Rossiju [Текст] / P. Poljan ; pod red. O. Glezer i P. Poljana. – М., 2005.
13. Serebrennikov, I. I. Velikij othod. Rassejanie po Azii belyh russkih armij. 1919–1923 [Текст] / I. I. Serebrennikov. – Harbin, 1936.
14. Skrabina, E. A. Stranicy pamjati [Текст] / E. A. Skrabina. – М., 1994.
15. Filatova, T. V. Rossijskoe pomestnoe dvorjanstvo v nachale HH v.: organizacija, dejatel'nost', popytki samoidentifikacii [Текст] / T. V. Filatova. – М., 2002.
16. Chzhao Djeczju. K istorii vneshnetorgovyh otnoshenij sovremennogo Harbina [Текст] / Chzhao Djeczju. – Izd-vo Huavjen', 1993.
17. Chzhun Nan'. Drozh' ot chtenija Harbinskogo arhiva [Текст] / Chzhun Nan' // Hjejlungdzjanskije istoricheskie zametki. – 2011. – № 1.

18. Chujkina, S. A. Dvorjanskaja pamjat': «byvshie» v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30-e gody) [Tekst] / S. A. Chujkina. – SPb., 2006.

19. Chjen' Cjucze. Russkij uchenyj Melihov o problemah russkoj jemigracii [Tekst] / Chjen' Cjucze // Sibirskie issledovanija. – 2010. – № 6.

20. Shi Fan, Gao Lin, Lju Shuan. Istorija russkoj jemigracii v Harbine [Tekst] / Shi Fan, Gao Lin, Lju Shuan. – Harbin, 1998.

Reference List

1. Van Chzhichen. History of the Russian emigration in Shanghai. – Shanghai, 1993.

2. Volkov-Muromtsev N. V. Teen ages: From Vyazma to Feodosiya. – Paris, 1983.

3. Galperin A. Air-raid shelters and shades of the past // New Russian word. – 1983. – № 3.

4. Golitsyn K. N. Notes of the prince Kirill Nikolaevich Golitsyn. – M., 1997.

5. Efremov S. I. Noble family in the Soviet Russia and the USSR (1917 – the end of the 1930-s): sociocultural aspect. – M., 2011.

6. Zhiganov V. D. Russians in Shanghai. – Shanghai, 1936.

7. Ivanov V. A. Mission of the Award: Noble family: from history of noble surnames of Russia; under the editorship of V. P. Starck. – SPb., 2000.

8. Krivosheina I. A. Four thirds of our life. – Paris, 1984.

9. Li Xinggeng. A duckweed on wind: the Russian emigration in China (1917–1945). – Beijing, 1997.

10. Liu Wanjun. Manchurian mafia – the Russian Nazis. – Heilongjiang National Publishing House, 1993.

11. Naumov A. V. The fate of the Russian nobility in the 20th century (on material of three generations of a Kvalyn branch of Counts Modems). – Saratov, 2009.

12. Polyan P. Emigration: who and when in the XX century leave Russia; under the editorship of O. Glezer and P. Polyan. – M., 2005.

13. Serebrennikov I. I. Great withdrawal. Dispersion across Asia of white Russian armies. 1919–1923. – Harbin, 1936.

14. Scryabina E. A. Pages of memory. – M., 1994.

15. Filatova T. V. The Russian local nobility at the beginning of the 20th century: organization, activity, attempts of self-identification. – M., 2002.

16. Zhao Dejiu. To history of the foreign trade relations of modern Harbin. – Huawen Publishing House, 1993.

17. Zhong Nan. Shivering from reading the Harbin archive // the Heilongjiang historical notes. – 2011. – № 1.

18. Chuykina S. A. Noble memory: «former» in the Soviet city (Leningrad, the 1920–30-s years). – SPb., 2006.

19. Chen Tsyutsze. The Russian scientist Melikhov about problems of the Russian emigration // Siberian researches. – 2010. – № 6.

20. Shi Fang, Gao Ling, Liu Shuang. History of the Russian emigration in Harbin. – Harbin, 1998.

¹Киевская Русь: Княжеский дружинник; Татаро-монгольская Русь: княжеский двор; Московская Русь: служилые люди; Российская империя: дворянство.